

ЧАСТЬ I

Безмятежность природы — иллюзия; обманка
для неискушенного взгляда.

Эшлин Мальграв

1

БЕРШАД

Терра, Море Душ

После охрнительного фиаско в Незатописимой Гавани Бершад, Эшлин и Фельгор отправились на север, в Папирию.

Хороший мореход при попутном ветре проделал бы путешествие меньше чем за две недели, но ветер был встречный, а нескончаемые ливни и шквалы разодрали паруса в лохмотья. После двадцати семи дней плавания беглецы с трудом добрались до Надломленного полуострова — россыпи крошечных скалистых островков на полпути из Альмиры в Папирию.

На двадцать восьмые сутки погода улучшилась, и корабль прибавил ход. Впервые почти за месяц казалось, что удача склоняется на их сторону.

Наконец-то все вздохнули с облегчением. Бершад и Эшлин сидели на корме фрегата, разглядывая ночное небо, перечеркнутое истончающимся прерывистым косяком — последние стаи драконов летели на восток. Курносые дуболомы. Шипогорлые вердены. Громохвосты. Красноголовы. Гризелы. Высоко-высоко над ними парили серокрылые кочевники. Великий перелет подходил к концу. Приятно было сознавать, что все драконы найдут прибежище на дальнем берегу Моря Душ — в месте, которое отвоевали для них Бершад и Эшлин.

Пока Бершад вспоминал свои подвиги, в ожидании завтрака потягивая рисовое вино, пять красноголовов, оторвавшись от стаи, боевым клином устремились к кораблю.

Бершад выругался, вскочил и заметался по палубе в поисках оружия. Драконы с оглушительным рыком кружили над одиноким судном, устрашающе клацая челюстями в предвкушении поживы.

— Дайте мне копьё!

— У нас нет копий, — буркнул капитан корабля, Джаку; это его матросы спасли Бершада и Эшлин после битвы в Незатолимой Гавани. — Есть только гарпуны для косаток. — Он махнул рукой на груды рыболовных принадлежностей.

Матросы на палубе сыпали папирийскими проклятиями и взводили арбалеты.

— Арбалетные болты только разозлят этих гадов, — прорычал Бершад, роясь в груды гарпунов, пока не выбрал один, хреново сбалансированный, но с таким острым наконечником, что им можно было резать стекло.

— Ты собираешься в одиночку убить пять красноголовов, альмирец? — спросил Джаку.

— Нет, — ответил Бершад. — Не в одиночку.

Он повернулся к Эшлин. Она уже разматывала драконью нить на запястье. Придурочный внутренний голос настаивал, чтобы Бершад побыстрее увел Эшлин в трюм, но эта самая Эшлин истребила два войска обрывком позвоночного волокна призрачного мотылька. Так что сейчас единственной надеждой на спасение был не Бершад, а именно Эшлин.

— Мы с Сайласом разберемся с драконами, — сказала она. — Все остальные марш в трюм.

Папирийских моряков дважды просить не пришлось. Джаку тоже не стал возражать и быстренько спустился. Фельгор, Хайден и остальные папирийские вдовы остались на палубе. Они дали клятву защищать Эшлин от любой опасности, включая драконов.

— Вы мне ничем не поможете, — сказала Эшлин Хайден. — Будете путаться под ногами и наверняка пострадаете. Ступайте.

Хайден замаялась, но вдовы всегда отличались прагматичностью, а к тому же Эшлин была права. Хайден коротко кивнула и вместе со своими сестрами по оружию направилась следом за моряками.

Фельгор пожал плечами:

— Ну, раз уж вдовы рванули в укрытие, то и я не стану почем зря похвастаться смелостью. — Он бросился к люку, ведущему в трюм, выкрикнув на ходу: — Постарайтесь не погибнуть!

Бершад оглядел небо. Красноголовы все быстрее и быстрее закладывали круги над кораблем, с каждым заходом сужая витки. Только драконы этого вида охотились подобным образом и никогда не меняли своего поведения.

— Сейчас два дракона отделятся от стаи и нападут с противоположных сторон, — сказал Бершад.

— Знаю, — ответила Эшлин. — Ты какую сторону возьмешь?

— Ту, с которой подлетит дракон поменьше, королева-ведьма, — заявил Бершад.

— Не смей меня так называть! — Она резко рванула нить, зажатую в кулаке; заискрились разряды молнии, которую Эшлин ловко сгребла в ладонь и приготовилась метнуть, как увесистый речной голыш.

Бершад сунул в рот последние комочки божьего мха — остатки запасов, сделанных в Незатопимой Гавани, — и быстро проглотил. Желудок наполнился жаром, а мышцы привычно налились неодолимой силой.

Два дракона разорвали круг. Самки. Громадные.

— Отлично, — пробормотал Бершад и отступил к правому борту.

Эшлин шагнула в противоположном направлении, вздев обвитую молниями руку.

Бершад стал напротив одной из самок красноголового. Она была в два раза больше той, которую он убил под Аргелем, — огромные распростертые крылья, бьющий по воздуху длинный хвост. Драконица устремила на Бершада взгляд горящих глаз. Бершад ответил ей тем же и крепче сжал древ-

ко гарпуна, выжидая, пока самка не приблизится на сотню локтей.

— Давай! — выкрикнул он и швырнул гарпун.

Эшлин метнула молнию. Гарпун вроде бы тоже попал, только непонятно, куда именно. Дракониша пронеслась над головой Бершада. Мелькнула чешуя, просвистел порыв ветра. Раздался пронзительный визг, что-то гроыхнуло, и Бершаду достался резкий удар по затылку. Драконьер ничком грохнулся на палубу. Глаза застил белый высверк.

В падении Бершад сломал себе челюсть и нос, а еще, судя по невыносимой боли, заработал трещину в черепе. Впрочем, божий мох помог телу залечить увечья. Бершад поспешно вправил челюсть, пока кости не срослись криво. Зрение понемногу возвращалось, и он с усилием поднялся на ноги. Эшлин, целая и невредимая, по-прежнему стояла на месте. Оглядывалась. Половину корабельной мачты снесло, оба краснолового оказались в воде. У головы дракониши, которую загарпунил Бершад, расплывалось багровое пятно. Дракониша, сбитая Эшлин, покачивалась на воде брюхом вверх, как дохлая рыбина.

Бершад хмыкнул, ощупывая затягивающуюся трещину в черепе:

— Для начала неплохо.

— Еще бы. Если не считать сломанной мачты и трех оставшихся красноголовов. — Дымящимся пальцем Эшлин указала на драконов, которые закладывали дугу слева; их костяные макушки алели под яркими лучами полуденного солнца. — Они вот-вот нападут.

— Ага.

Бершад вытянул еще один гарпун из груди на палубе. Оставалось только надеяться, что им еще раз повезет.

Красноголовы были не только жестоки, но и очень умны. Увидев, какая судьба постигла двух охотниц, драконы сменили тактику — решили напасть сразу с трех сторон, держась на большом расстоянии друг от друга.

— Фигово, — сказал Бершад, пытаясь сообразить, в какого из драконов лучше метнуть гарпун.

— Ты подбей одного, — сказала Эшлин, снова дернув нить в кулаке, чтобы создать очередной разряд. — Я могу расщепить молнию и ударить сразу в двоих. Наверное.

— Наверное?

— Теоретически такое возможно. Главное — поддерживать равновесие и... Ох, погоди... что за хрень?!

Треск и шипение электрических разрядов затихли.

Бершад обернулся к Эшлин. Ее руку обвивал дым. Эшлин еще раз рванула нить, посыпались искры, но никаких молний не возникло.

Бершад перевел взгляд на ближайшую дракониху, стремительно рассекавшую небеса. Вроде как и справедливо, что он, сознательно уничтоживший десятки драконов, погибнет в море от случайного нападения ящеров. Жаль только, что вместе с ним в последний путь отправится и Эшлин.

Красноголов выпустил когти, раззявил устрашающую пасть.

Бершад встал рядом с Эшлин, взял ее за руку:

— Я люблю тебя, Эш. Всегда любил.

Гигантская тень накрыла палубу. Красноголов рухнул в море.

Краем глаза заметив дымчато-серую шкуру, Бершад запоздало сообразил, что над кораблем пронесся серокрылый кочевник. Самка невероятных размеров.

С громким раскатистым ревом она начала драть красногорова когтями, разбрызгивая над волнами кровь и ошметки внутренностей. Размах ее крыльев был так велик, что в сравнении с ней красноголов казался хилой болотной ящерицей. Два оставшихся красногорова, позабыв о нападении, порскнули в разные стороны, как перепуганные кролики.

Бершад не выпускал из рук гарпуна, опасаясь, что серокрылая кочевница нападет и на корабль, но дракониха просто-напросто подцепила когтями половину туши красногорова и улетела с ней к ближайшему острову, в нескольких сотнях локтей от корабля, где бросила добычу на берег, жадно вгрызлась в нее и начала жевать. Громадные челюсти окрасились кровью. Эшлин, будто зачарованная, молча наблю-

дала за драконихой. Из трюма на палубу потянулись моряки и остальные путники.

— Что стряслось? — спросил Фельгор.

Бершад пожал плечами:

— Самка серокрылого кочевника загрызла красноголова.

— Она тебе чем-то обязана, что ли? — поинтересовался Фельгор.

— Нет, тут что-то другое, — ответил Бершад.

Все смотрели, как кочевник расправляется с добычей. Наевшись, дракониха обернулась и пристально посмотрела на корабль сияющими голубыми глазами, а потом расправила огромные крылья и за несколько взмахов поднялась высоко в небо. С дымчато-серого брюха стекала морская вода, смешанная с кровью. В сотнях локтей над кораблем дракониха поймала восходящий поток воздуха и по широкой спирали устремилась ввысь, посверкивая в разрывах облаков, пока не стала размером с монетку.

— Я и не знал, что бывают такие громадные драконы, — сказал Джаку, прикрыв рукой глаза от солнца.

— И я тоже, — кивнул Бершад, не сводя глаз с драконихи; за свою жизнь он повидал немало летучих ящеров, но до размера этой драконихи остальным было далеко.

Течение уносило корабль на северо-восток, однако серокрылая кочевница упрямо следовала за ним.

— Похоже, она не собирается с нами прощаться.

— И что теперь делать? — спросил Фельгор.

— А ничего, — ответил Бершад. — Главное, чтобы она не решила к нам спуститься.

— Меня больше беспокоит не дракон, а то, как мы продолжим плавание, — сказала Эшлин.

— Да, с этим придется разбираться. — Джаку кивнул на обломанную мачту. — Для начала хорошо бы придумать, как соорудить новую.

Эшлин указала на близлежащий остров, где высились стройные кедры:

— Нам туда.

— Точно, — согласился Джак и сказал матросам: — Ребята, сейчас мы с вами поплотничаем. Доставайте-ка пилы и топоры.

Одиннадцать дней они плыли на север, лавируя между островками Надломленного полуострова.

Погода оставалась ясной, но корабль по-прежнему шел медленно. Теперь, когда поставили новую мачту, а шторма и драконы остались позади, возникла новая опасность: флот Линкона Поммола мог обнаружить беглецов.

Трижды они замечали папирийские фрегаты под флагом с черепахой — эмблемой Линкона, — патрулирующие побережье Альмиры. Линкон Поммол считал, что Эшлин погибла, поэтому использовал захваченные корабли для устрашения мелких баронов Атласского побережья. Чтобы не нарваться на неприятности, беглецам пришлось углубиться в хаос Надломленного полуострова. Так называемый полуостров на самом деле был архипелагом: мелкие островки, соединенные сетью извилистых узких проливов, где стремительное течение грозило разбить судно об острые подводные камни или выбросить на мель. Если путники заплывали слишком далеко в лабиринт внутренних островов, то потом тратили несколько дней, чтобы выбраться в открытое море.

Самка серокрылого кочевника все время кружила над ними. Не опускалась на землю. Не меняла курса.

— Интересно, и сколько он будет вот так летать? Ну, без отдыха? — спросил Фельгор, разглядывая серебристого дракона.

— Я же тебе говорила, это не он, а она, — откликнулась Эшлин, сидя на корме и угольком набрасывая очертания драконихи на обрывке парусины. — Из всех драконов Терры кочевники совершают самые длинные перелеты и могут оставаться в воздухе целый месяц.

— А вдруг она проголодается? — не унимался Фельгор.

— Не волнуйся, — сказал Бершад, — если и проголодается, то не скоро. Она сожрала половину туши красноголова.

Он не понимал, каким образом чувствует сытость драконихи. Серокрылая кочевница с туго набитым брюхом кружила в небе, а нутро Бершада ощущало эту тяжесть.

— Дракон следует за нами по всему Надломленному полуострову, как мальчишка-оборванец за тележкой с сосисками, надеясь поживиться лакомым кусочком. По-твоему, это нормально? — спросил Фельгор.

Эшлин отложила уголек и потянулась, разминая затекшие обнаженные плечи, что тут же привлекло внимание папирийских моряков. Битва в Незатопимой Гавани оставила на коже Эшлин темно-синие шрамы, зубчатыми зигзагами тянувшиеся по кровеносным сосудам, начиная с правого запястья, по всей руке и по груди.

— Нет, это очень необычно, — сказала она.

Бершад поднес руку ко лбу, защищая глаза от яркого солнечного света, и тоже взглянул на дракониху. Она парила на потоке восточного ветра, широко раскинув крылья, так что перепонки сверкали под лучами полуденного солнца.

— В последнее время ничего обычного вообще не происходит, — сказал Бершад.

По правде говоря, он не воспринимал постоянное присутствие серокрылой кочевницы как что-то странное. Куда удивительнее было то, что ему совершенно не досаждал зуд в костях, который еще недавно возникал при приближении любого дракона. Вместо этого кровь в жилах драконьера и драконихи словно бы пульсировала в унисон, и эта объединяющая связь была очень прочной: Бершад чувствовал какой-то едва уловимый толчок всякий раз, когда серокрылая кочевница взлетала повыше, опускалась к морю, отлетала подальше или приближалась.

Бершад не мог объяснить, почему это происходит. Однако же он давно привык к тому, что с ним случаются необъяснимые вещи, и оставлял без внимания скрытый в них смысл.

— Уж не знаю, обычно оно или нет, но дракониха распугала всю рыбу. — Капитан Джаку закрепил штурвал потертой кожаной веревкой и подошел к Бершаду. — Тут всегда ловились тунец и марлин, легче легкого. Цапле и то сложнее таскать лягушек из пруда. А из-за этой драконихи вся рыба улепетнула куда подальше. Похоже, придется до самого дома глодать сухари.

— А долго нам еще? — спросил Фельгор, почесывая ухо. — Потому что эти ваши сухари нарушают нормальную работу кишечника. Я уж и не помню, когда в последний раз толком просрался.

Джаку сплюнул за борт.

— Если мы и дальше будем шастать по этому Поломанному Сральнику, а ваш черепаший барон будет нам жопу цекотать, то еще месяц проваландаемся, не меньше.

— Целый месяц? — протянул Фельгор. — Значит, я больше никогда в жизни не проснусь, спаси и сохрани меня Этернита! Между прочим, запор очень вреден для здоровья. У меня был приятель в Бурз-аль-дуне, так он однажды стащил на причале здоровенный ящик хурмы и трескал ее каждый день, пока всю не сожрал. А потом три недели посрать не мог, так что угодил в...

— О боги, Фельгор, будет тебе рыба! — не выдержал Бершад. — Только заткнись.

Он посмотрел на дракониху. Конечно же, днем она распугивает рыбы стаи — все живые существа, даже подводные обитатели, знали, как опасны днем небеса Терры, — а вот ночью другое дело.

— Я тебе ночью рыбы наловлю, — пообещал Бершад.

— А раньше бывало, что дракон за тобой следовал? — спросила Эшлин, когда они с Бершадом спустились в каюту.

— Ну, пару лет назад я промазал, охотясь на дуболома, так он меня пятнадцать лиг по болотам гонял, пока не надоело. Успокоился только через сутки, тогда я его и убил.

— Не валяй дурака. Я имею в виду вовсе не твои драконьерские промахи.

— Нет, раньше такого не бывало, — со вздохом признался он. — Это что-то новенькое.

Эшлин погрузилась в размышления.

— Все твои раны быстро затягиваются. Дракон от тебя не отстает. Всему этому должно быть какое-то объяснение.

— Ага. Я — демон хренов.

— Ха-ха, очень смешно. Озирис Вард об этом упоминал? Бершад помотал головой:

— Не-а. Но этот старый псих в детали особо не вдавался.

После побега из Незатолимой Гавани Бершад рассказал Эшлин об Озирисе Варде и о хирургических опытах в подземелье, однако скрыл предостережение Варда о том, что сила в крови в конце концов приведет к смерти Бершада. Говорить об этом он вообще не собирался. Бершад настолько привык к смертным приговорам, что еще один его совершенно не беспокоил.

Эшлин окинула его пронизательным взглядом:

— Ты от меня что-то скрываешь, Сайлас.

— Ничего подобного.

— Врешь.

Бершад пожал плечами. Он хранил свою тайну из глупого упрямства, а еще потому, что хорошо знал Эшлин. Если сказать ей, что он обречен, то она начнет искать, как ему помочь, невзирая на то, куда ее это заведет. Бершада не беспокоила дракониха в небесах, он чувствовал, что она не станет нападать. Ему хотелось провести оставшееся ему время в тишине и покое. Поселиться на каком-нибудь из необитаемых островов Папирийского архипелага, где их с Эшлин никто не потревожит. В жизни ему почти не выпадало покоя. Поэтому он и мечтал спокойно прожить хотя бы неделю, месяц или год, сколько бы там ни было ему отпущено, главное, чтобы Эшлин была рядом.

— Ты же понимаешь, что в конце концов я все разумею, — добавила Эшлин в ответ на его молчание.

— Может быть. А может, в мире есть и кое-что непознаваемое, королева-ведьма.

- Не смей меня так называть!
- А не то что мне будет?
- Вот то и будет... — с притворной угрозой в голосе пообещала Эшлин.

Она пересекла каюту, ухватила Бершада за горло и заставила его опуститься на колени.

После того как Эшлин уснула, Бершад тихонько соскользнул с узкой койки в каюте и вышел на палубу. Вдохнул соленый ночной воздух и приветливо кивнул вахтенному — бедняга забился в крохотную каморку штурмана и крепко, будто возлюбленную, прижимал к себе арбалет.

Чтобы не лишать вахтенного надежды, пусть даже и обманчивой, Бершад не стал напоминать, что стрелять в серокрылого кочевника из арбалета — все равно что тыкать зубочисткой в воина, облаченного в боевые доспехи.

В гуде рыболовных принадлежностей на палубе он отыскал моток прочной бечевки и большой серебристый крюк, потом нацепил на крюк селедку посвежее — далеко не первой свежести — и прошел на корму.

Там он зашвырнул насаженный крюк за борт, и кильватерная струя поволокла бечевку вслед за кораблем. После побега из Незатопимой Гавани беглецы проводили в ожидании долгие часы и даже дни, то скрываясь от погони в рощах, то прячась от проходящих кораблей за скалистыми утесами, но все это время Бершад никогда не оставался в полном одиночестве. Он либо убредал в каюту к Эшлин, либо сражался с драконами, либо сидел на палубе, слушая нескончаемую болтовню Фельгора, а все остальные краем глаза следили за кружащей в небе драконихой.

Сейчас он наслаждался уединением. Ему невольно вспомнились события прошедшего года: переход через Вепрев хребет, гибель Роуэна и Альфонсо в Таггарстане, убийство императора Баларии, жуткие пытки под ножом безумного мерзавца Озириса Варда. Возвращение в Незатопимую Гавань. Невероятные поступки, совершенные Эшлин ради того, чтобы выжить.

Туманная пелена скрыла звезды, не позволяя Бершаду разглядеть в ночном небе силуэт драконихи. Но он знал, что она там. Он ощущал ее присутствие.

Спустя час бечевка в руках Бершада дрогнула и резко натянулась.

Он быстро обмотал ее вокруг локтя, напрягся, чтобы не упасть за борт от внезапного рывка, а потом начал не торопясь подтягивать добычу. Бечевка глубоко впилась в руку, но он радовался боли, потому что она заставляла его сосредоточиться. Когда борешься с огромной рыбиной, способной уволочь тебя в море, нет времени беспокоиться о проклятой крови, назойливых драконах, потерянных королевствах или колдовских нитях. Бершаду это было по душе.

Минут через десять он вытащил на палубу красноперого тунца размером с жеребенка. Ощущая под пальцами сумасшедшее биение рыбьего сердца, он снял с пояса нож и убил рыбину ловким ударом в голову.

Запахи рыбы и крови ощущались резко, гораздо сильнее, чем обычно. Бершад с какой-то звериной жестокостью склонился над тунцом, срезал увесистый шматок с рыбьего бока и впился зубами в кровоточащую, солоноватую плоть.

Подгоняемый первобытным инстинктом и голодом, он наелся до отвала. Утер кровь с губ, посмотрел на огромную тушу — ее хватило бы, чтобы накормить всю команду корабля, и больше чем достаточно, чтобы прочистить кишечник Фельгора. А серокрылая кочевница сожрала красноголова уже несколько недель назад и с тех пор ничего не ела. Бершад не знал, почему она следует за ним, но чувствовал себя в ответе за нее. Он оглянулся. Вахтенный все еще подремывал в своей каморке и не видел улова.

Бершад высвободил крюк из рыбьей пасти и столкнул тунца в море.

Поначалу ничего не происходило. Рыбья туша, сверкая чешуей, легонько покачивалась на волнах. Бершад пожалел, что так легко расстался с добычей, но тут над водой мелькнула серая тень, подхватила тунца и снова скрылась в тумане.

Бершад почувствовал, как дракониха перекусила рыбину пополам, проглотила сначала голову, а потом и остаток туши. Солонватая плоть теперь покоилась и в желудке Бершад, и в брюхе драконихи. Бершад кивнул и направился к носу корабля.

— Я слышал какой-то шум, — сказал вахтенный. — Ты что-нибудь поймал?

— Ага. Вот только рыба сорвалась с крючка.

В каюте Бершад отыскал склянку с Багряной Башней, растер комочки мха по ладоням, до крови изрезанным бечевкой, и перемотал их чистыми бинтами. К утру раны затянутся. Бершад улегся на койку, скользнул под грубую дерюгу и прижался к теплому телу Эшлин, сосредоточившись на биении ее сердца, но все равно ощущал присутствие драконихи в небе.

Прежде чем уснуть, он подумал, что, наверное, они наконец-то оторвались от рыскающих вдоль побережья кораблей Линкона Поммола и что теперь, когда завершился Великий перелет, можно мирно и спокойно доплыть под ясными небесами до самой Папирии.

Он ошибся и в том и в другом.

ДЖОЛАН

Альмира, провинция Дайновая Пуца

Спустя час после восхода солнца Джолан заметил стертвятиков.

Вот уже два месяца он бродил по логовищам на юге Дайновой пуцы. Почти все альмирские драконы уже отправились в Великий перелет через Море Душ, поэтому Джолан без опаски бродил по заповедным лесам и бесчисленным пещерам. Его котомку распирало от ценных и редкостных ингредиентов: шесть склянок чешуи иловки-келарии, семь баночек с корешками иондрила, три печени дайновых лис, два фунта светящихся шляпок грибов-соляриев, пять фунтов спартанийского мха и столько же — Багряной Башни. С такими запасами Джолан вполне мог бы открыть аптекарскую лавку, если бы его не изгнали из гильдии алхимиков. Однако же истинная ценность добычи заключалась совсем в другом.

В глубине древнего драконьего логовища, у корней необычного раскидистого дерева, Джолану удалось собрать целых два фунта божьего мха. Потом он долго пытался отыскать в джунглях такие же деревья, но их больше не попадалось.

Божий мох стоил тысячи золотых монет. Если продать его в Незатопимой Гавани какому-нибудь зажиточному торговцу, то на вырученные деньги можно безбедно прожить всю оставшуюся жизнь. Но Джолана не интересовали ни бо-

гатство, ни безбедное существование. Он хотел поселиться в хижине, где-нибудь близ Гленлока, и проводить там опыты с божьим мхом, чтобы раскрыть тайну того, что произошло прошлой весной в Выдрином Утесе. Тайну Бершада Безупречного.

Однако сначала надо было выбраться из лесной глуши.

Вот уже два месяца он странствовал по лесам и соскучился по цивилизации. Он брел по берегу ручья, представляя, как потратит часть денег на горячую ванну, несколько больших кружек ливенеля и кровать с пуховой периной, как вдруг заметил стервятников.

Не меньше двадцати птиц кружили над лесом примерно в полулиге к северу. Джолан поначалу хотел пройти мимо — ведь там, где стервятники, ничего хорошего не обнаружится, — но потом все-таки решил проверить, в чем дело. Если там какой-нибудь раненый зверь, то его можно будет использовать для опытов с божьим мхом. Гильдия алхимиков требовала, чтобы первые эксперименты проводили на мелких насекомых, постепенно увеличивая размер подопытных экземпляров, но ради науки Джолан готов был пренебречь правилами и взяться за кролика или оленя.

Он добрался до опушки леса, сдавленно охнул, присел и спрятался в зарослях папоротника.

На опушке оказались три воина — все в масках, в боевых доспехах и при оружии. Самый мощный из троих сидел на пеньке, опираясь на громадный двуручный меч, чуть ли не выше Джолана. Его приятели стояли рядом. Но самым страшным были не живые, а десяток трупов на поляне.

Джолан попытался успокоиться, но сердцебиение не замедлялось. Тогда он начал медленно отползать, надеясь незаметно добраться до ручья и продолжить путь в Гленлок.

За спиной послышался металлический щелчок.

— А кто это у нас тут? — спросил кто-то с говором уроженца Дайновой Пущи. — Черепаха, что ли?

Джолан не шевельнулся. И не ответил.

— Если и дальше будешь молчать, заработаешь арбалетный болт в черепушку.

— Я... малец, — сказал Джолан, чуть приподнявшись и всем своим видом изображая невинность.

Молчание. Потом по траве затопали сапоги. На лицо Джолана упала тень. Он поднял взгляд, увидел четвертого воина с арбалетом наизготовку и чуть не блеванул от страха.

— Малец, говоришь?

— Ага.

— Ну тогда вставай.

Джолан повиновался, машинально отвернувшись от арбалета, будто это заставит оружие исчезнуть.

— Шагай через поляну. К остальным.

Джолан двинулся вперед, с ужасом представляя, как в его мозг вонзается арбалетный болт.

— Эй, гляньте-ка, что я в папоротниках нашел! — крикнул воин товарищам.

Они оглянулись. Теперь Джолан ясно видел, что все они в масках ягуара.

Значит, это воины из Дайновой Пуци.

— Еще одну черепаху? — спросил самый высокий, в кроваво-красной маске с черной полосой посредине; он встал с пенька, но опирался на меч, будто на костыль.

— Не-а, какого-то пацаненка.

— Да? Ну ладно, подойди поближе.

Джолан сократил расстояние между ними до пяти шагов, и воин предостерегающе поднял руку:

— Стоп! Ты кто такой?

Он окинул Джолана взглядом.

— Я... кхмм... — У Джолана пересохло в горле, а ладони вспотели. — Кхмм...

— Кхмм — не имя, малец. Назовись, и побыстрее.

— Джо... Джолан, — выдавил он.

Воин ткнул толстым пальцем в котомку Джолана:

— А тут у тебя что?

— Запасы.

— Какие запасы?

— Всякие лекарственные травы и целительные зелья...

Содержание

ЧАСТЬ I	9
ЧАСТЬ II	159
ЧАСТЬ III	317
ЧАСТЬ IV	423
Приложение. ОЦЕНОЧНАЯ ШКАЛА ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЩЕРОВ И СПЕЦИФИКАЦИЯ АНАТОМИЧЕСКИХ ЧАСТЕЙ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА БАЛАРСКОЙ АРМАДЫ НЕБОЛЁТОВ <i>Составитель: Озирис Вард, имперский инженер Баларши</i>	564
Благодарности	572